

И. И. Скачкова
Волгоград, Россия

I. I. Skachkova
Volgograd, Russia

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПОЛИТИК В АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ

CLASSIFICATION OF LANGUAGE POLICIES IN AMERICAN SOCIO-LINGUISTICS

Аннотация. Рассматривается классификация языковых политик, разработанная американскими социолингвистами. Особое внимание уделяется социологическим результатам проводимых языковых политик в гетерогенном с точки зрения языка и культуры государстве — США.

Abstract. The article discusses the classification of language policy, developed by American sociolinguists. Particular attention is paid to sociological result of the language policy in such a heterogeneous nation as the United States, in terms of language and culture.

Ключевые слова: языковая политика; двуязычное образование; языковые меньшинства; официальный язык.

Key words: language policy; bilingual education; linguistic minorities; official language.

Сведения об авторе: Скачкова Ирина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.

About the author: Skachkova Irina Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication.

Место работы: Волгоградская академия государственной службы.

Place of employment: Volgograd Academy of Public Administration.

Контактная информация: 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8.
e-mail: irinask.2007@mail.ru.

Целью нашего исследования является изучение механизмов функционирования доминирующего и миноритарных языков в полиэтническом и мультикультурном пространстве. Лежащая в основе исследования концепция сформировалась в ходе проводившегося социолингвистического изучения этнических языковых ситуаций в гетерогенных с точки зрения языка и культуры регионах мира. Изучение языкового планирования со всеми его терминологическими дериватами переживает в настоящее время очередной всплеск интереса со стороны общественных наук. Обозначенная тематика лежит в плоскости глобальной темы «Взаимодействие языка и общества». Статья посвящена кардинальной социолингвистической и этнолингвистической проблеме, что позволяет вскрыть общественный характер развития и функционирования языков, а также обосновать социальную мотивацию языковых ситуаций в условиях многоязычия.

В настоящий момент для выработки практических рекомендаций и гуманизации этносоциальных отношений необходимы обобщающие работы теоретического характера. Языковая политика, будучи неотъемлемой частью этнонациональной политики, находится в фокусе исследовательского интереса ученых Франции, Канады, Австралии, США, России, Великобритании. В современную эпоху не представляется возможным интенсифицировать исследования в области российской социолингвистики без скрупулезного анализа зарубежного опыта и выводов, к которым пришли западные социологи языка в процессе изучения языковых ситуаций, проблем дву- и многоязычия, тесно связанных с политическими, идеологическими и социально-культурными проблемами полиэтни-

ческих стран. В данной статье мы обратимся к классификации языковых политик с точки зрения официальности/неофициальности, намерений/последствий, разработанной американскими исследователями. Следует оговориться, что термины «языковая политика» и «языковое планирование» в данной работе используются как взаимозаменяемые.

Среди большого количества определений языкового планирования, существующих в работах американских исследователей, наиболее подходящим для целей нашего исследования является следующее: «языковое планирование относится к целенаправленным усилиям для влияния на поведение других лиц в отношении приобретения, структуры или функционального распределения их языковых кодов» [Cooper 1989:45]. Языковое планирование также рассматривается в качестве «инструмента лидеров, желающих изменить общество», который «направлен на „изменение“ с помощью рационально скоординированных действий государства» [Weinstein 1983: 37]. Языковое планирование часто изображается способом решения языковых проблем, однако история свидетельствует, что попытка планирования языка нередко сама является источником языковых проблем, особенно если планирование направлено на ограничение в языковых правах, сопровождающееся уменьшением социальных, образовательных, экономических и политических возможностей.

Национальные языки обычно подвергаются процессам стандартизации. Попытки стандартизировать, упорядочить и систематизировать языки называются корпусным планированием. Корпусное планирование может проводиться языковыми академиями, популярными писате-

лями и коммерческими издателями. Стандартизация американского варианта английского языка была достигнута в основном за счет усилий влиятельных коммерческих издателей, таких, как Ной Вебстер. Государство заинтересовано в стандартизации, нормализации национального языка, поскольку норма принуждает языковой коллектив использовать языковые средства строго определенным образом: «Единообразие, унификация языкового кода — это мощнейший государственный рычаг, с помощью которого гораздо проще манипулировать общественным сознанием, реализуя те или иные идеологические постулаты» [Наумов 2010: 18].

Американские исследователи называют несколько вероятных причин того, почему основатели США решили не утверждать английский в качестве официального языка: господство английского языка было очевидно, проведение официальной политики было ненужным; основатели уважали языковое разнообразие и права меньшинств; они не решались обидеть меньшинства, которые поддерживали революционное дело, и поэтому выбрали толерантный подход [Heath 1976, Kloss 1977/1998]. Какой бы ни была действительная точка зрения основателей, английский язык функционировал, как если бы он был официальным языком, на протяжении всей истории США, и его часто использовали в качестве официального для конкретных целей. Таким образом, английский в целом обладал статусом официального языка, и это функционально было более важным, чем его официальное определение [Heath 1976].

Национальные языки могут получить статус официальных в результате централизованного правительственного планирования или вследствие усилий стратегов языковой политики. Как уже было сказано, политика официального языка проводится для получения возможности влиять на языковое поведение с помощью официальных кодов.

Однако внимания заслуживают не только официальные языковые политики. Так, многие американские исследователи проводят различия между официальными/явными, имплицитными и скрытыми/подразумеваемыми политиками [Weinstein 1983; Wiley 2008]. Многие популярные политические дебаты сфокусированы на официальных или явных политиках. Тем не менее имплицитные нормы и ожидания, вовлеченные в институциональные практики, также влияют на языковое поведение, формируя и контролируя его. Национальные языки, такие, как американский английский, часто становятся официальными де-факто, без юридических документов, вследствие всеобщего идеологического настроения. Практически всегда в американской истории доминирование и статус английского языка как национального языка США основывались на идеологическом согласии, существовавшем в британских колониях до воз-

никновения США. В них английский язык приобрел свой статус и господство без централизованного государственного планирования. Во время колониального периода никто не призвал объявить английский язык официальным языком Соединенных Штатов, поскольку его доминирующее положение было достигнуто за счет неофициальных средств [Heath 1976]. В начале XXI в. некоторые исследователи выражают озабоченность как по поводу официального статуса английского языка, так и по поводу сохранения миноритарных языков. Однако американский ученый Терренс Вайли (Terrence G. Wiley) утверждает, что заявления об угрозе для господства и статуса английского языка являются более нелепыми, чем за два десятилетия до основания Республики, когда Франклин ставил эти вопросы на голосование [Wiley 2008: 321]. Согласно данным опроса американского общества, проведенного в 2007 г. среди 52,4 миллионов человек старше пяти лет, которые говорили дома не на английском языке, что составляет 19,7 % от общего числа жителей США, только 8,1 % не говорила по-английски. В целом около 92 % населения заявили, что владеют английским хотя бы в минимальном объеме [census.gov].

Многие имплицитные социальные и институциональные практики воспринимаются как политика, даже если они не имеют официального одобрения. Имплицитные, или скрытые/подразумеваемые политики могут быть замаскированы высокими целями, направленными на оказание помощи языковым меньшинствам в ассимиляции, даже если в реальности эти группы систематически третируются и лишены языковых прав [Skutnabb-Kangas and Phillipson 1994]. Языковые меньшинства всегда стремились осмыслить последствия пагубных языковых политик, независимо от того, были ли эти политики официальными, имплицитными, или скрытыми. Например, в 1880-е гг. дети американских индейцев были вынуждены посещать школы-интернаты, что преследовало конкретную цель: внедрение их в англоязычную доминирующую культуру и предоставление им минимальных навыков работы. В повседневной жизни школы «детям запрещалось говорить на своих родных языках, а тех, кто нарушал этот запрет, унижали, били, а их рты мыли щелочным мылом». В итоге дети и их родители поняли, что «должностные лица имели непоколебимое намерение использовать школу, чтобы разрушить их язык и культуру» [Norgren and Nanda 1988: 186; Weinberg 1995].

Некоторые официальные лица утверждали, что основной целью языковой политики является контроль в социальной, политической и экономической сферах [Leibowitz 1969]; языковыми меньшинствами это было понято, как карательная политика, часто проводимая завуалировано, под прикрытием соблюдения интересов языковых меньшинств. Независимо от того,

инициировано ли языковое планирование правительственными органами, является косвенным результатом деятельности языковых стратегов или общепринятой институциональной практикой, оно имеет как социальные, так и политические последствия [Leibowitz 1969, Wiley 2008].

Хотя федеральное правительство Соединенных Штатов никогда не признавало английский язык в качестве официального, он исторически использовался на протяжении большей части истории страны. Это язык судебных заседаний; он необходим для составления заявок на гранты; английский является языком обучения в школе; знание английского языка является требованием для многих рабочих мест. Владение английским языком является необходимым требованием для натурализации иммигрантов. Лейбовиц говорит о том, что правовые санкции федерального правительства обусловили дискриминацию в политической и экономической сферах [Leibowitz 1969]. Исторически сложилось так, что иммигранты и представители коренных народов Америки плохо знают английский язык, а из-за этого они не имели права голосовать. Контролирующая функция языковой политики часто широко поддерживается даже теми, кто пострадал от нее. Языковая политика и образовательный ценз, будучи широко распространены, становятся гегемонистскими [Collins 1991].

В своей классической «Американской традиции двуязычия» Клосс [Kloss 1998/1977] разработал схему для классификации различных типов официальной языковой политики или законов о языке. Поскольку определение языковой политики может быть расширено за счет включения официальных, имплицитных, или скрытых политик, основные категории системы Клосса можно модифицировать для более широкого применения, чтобы охватить категории неофициальной политики [Wiley 2008]. Ниже приведенная схема, составленная Клоссом, позволяет классифицировать различные типы политик с точки зрения их прямого назначения, а также их последствий. Акцент сделан на последствиях, потому что некоторые из них являются непреднамеренными.

1. Политики, ориентированные на распространение какого-либо языка, связаны с использованием правительственных/государственных ресурсов в рамках активного правительственного плана дальнейшего официального использования языка или языков. Английский язык в США получил большое распространение в результате институциональных практик, реализуемых при посредничестве английского языка. Правительственные печатные издания, принятые законы, юридические документы издаются на английском языке, на этом же языке проводятся все правительственные заседания.

2. Целесообразно ориентированные законы или политики являются более слабыми, чем

политики, ориентированные на распространение какого-либо языка, но они отличаются от первых своими целями. Они не ориентированы на увеличение количества функций миноритарных языков. Они позволяют правительству использовать миноритарные языки для облегчения доступа к образовательным услугам, политической жизни и для предоставления законных прав языковым меньшинствам (например, представителям языковых меньшинств дается переводчик в суде). Большая часть споров о двуязычном образовании в США была продиктована смешением понятий: спорящие стороны путали политику, ориентированную на распространение какого-либо языка, и целесообразно ориентированную политику. Например, сторонники движения «Только английский» выступали против финансирования раздела VII закона о переходном двуязычном образовании и против двуязычных бюллетеней, ориентируясь на языковую политику первого типа, хотя в данном случае правительство основывалось на целесообразно ориентированной политике (политике второго типа).

3. Толерантно-ориентированные политики характеризуются отсутствием значительного государственного вмешательства в языковую жизнь миноритарных групп. При таких политиках языковые меньшинства предоставлены сами себе, они должны сами изыскивать средства для сохранения своих исконных языков, поддержка и какие-либо ресурсы правительством не предоставляются.

Например, с конца 1600-х гг. до Первой мировой войны многие американцы толерантно относились к своим немецкоязычным согражданам, их желанию обучать собственных детей по двуязычным программам с использованием немецкого языка, существовало и лояльное отношение к немецкоязычной прессе [Kloss 1998/1977; Wiley 1998]. Иммигрантские общины, проживающие в разных районах страны и говорящие на миноритарных языках, сегодня часто полагаются на школы выходного дня, которые финансируются из собственных средств иммигрантской общины и средств частных лиц, служащие для сохранения или возрождения исконных языков. Однако даже в периоды языковой толерантности усилия по сохранению родных языков не имеют долгосрочного успеха, если языковые меньшинства имеют возможности для контакта с доминирующим обществом.

4. Ограничительные политики — это те политики, благодаря которым социальные, политические и экономические привилегии, права и возможности зависят от знания или использования доминирующего языка. Языковые ограничения обычно регламентируют общение на рабочем месте или в официальной сфере. Несмотря на существование толерантно ориентированных языковых политик в США [Kloss 1998/1977], со времен колониального периода отмечалось немало примеров рестрикциониз-

ма. Ограничительные политики были одной из главных особенностей территориальной языковой политики в период американской национальной экспансии [Macías 2000]. Исторические примеры ограничительной политики в отношении языков часто оправдывались тем, что они были во благо тех, на кого нацеливались.

Ограничительное движение «Только английский», затронувшее образование, и усилился по американизации иммигрантов относились именно к такому типу языковой политики. Еще одним примером ограничительной языковой политики является принятие в июне 1998 г. «Предложения 227» в штате Калифорния и «Предложения 203» в штате Аризона. Инициаторы принятия этих предложений стремились серьезно ограничить доступ к двуязычному образованию. Рестрикционизм был особенно характерен для времен Первой мировой войны, когда большинство штатов проводило ограничительные политики и поддерживало официальную политику «Только английский» [Kloss 1998/1977, Wiley 1998]. Несмотря на благородные намерения содействовать овладению английским языком, ограничительные школьные стратегии «Только английский» часто имели негативные последствия для изучения английского языка [Weinberg 1995; Wiley 2008].

5. Репрессивные языковые политики — это осознанные попытки искоренить языки меньшинств. Существует тонкая грань между ограничительными и репрессивными политиками. Ограничительная политика становится репрессивной, когда связана с декультурацией и языковым геноцидом. Ранним примером репрессивной языковой политики является запрещение поработенным африканцам использовать родной язык и последующее навязывания неграмотности и незнания обязательных кодов [Weinberg 1995].

После Гражданской войны власти США стали проводить более репрессивную политику в отношении индейцев, навязывая им английский язык и англосаксонские культурные ценности. Политика принудительной ассимиляции, целью которой было ускорение декультурации и усмирение, проводилась в 1880-е гг., когда Бюро по делам индейцев создало систему школ-интернатов, обучение в которых велось исключительно на английском языке [Crawford 1995; Weinberg 1995; Wiley 2008]. Обычаи индейцев должны были быть уничтожены. Декультурация коренных жителей Америки сопровождалась идеологической обработкой, призванной привить индейцам верность США. Для достижения этих целей и умаления авторитета их семей и племенных общин индейские дети забирались из семей в раннем возрасте [Weinberg 1995]. На Среднем Западе и в других регионах страны во время Первой мировой войны и в начале 1920-х проведение политики «Только английский» сопровождалось массовыми преследованиями немецкоговорящих американцев. Сообщалось о

многих случаях, когда толпы пороли священников, били их, вываливали в смоле и перьях за то, что они читали проповеди на немецком языке. Школы и церкви были разграблены, немецкие книги сожжены. Около 5000 немецкоязычных меннонитов бежало из страны в Канаду [Wiley 1998]. Ограничительный тип языковой политики и широкое распространение преследования немецкого населения за этническую идентичность имели мгновенный и долгосрочный эффект. Например, сравнение довоенной (1910 г.) и послевоенной (1920 г.) переписей населения США показывает значительное уменьшение количества людей, имеющих немецкое происхождение: около 2,3 миллиона человек в 1910 и менее, чем 1,7 миллиона, — в 1920 г. [Wiley 1998: 327].

Ученые, исследующие языковую политику, утверждают, что «язык — это власть, средство достижения любой цели, которую ставит перед собой государство» [Наумов 2010: 7]). А государство — персонифицированная часть языкового коллектива, которая отличается от всех прочих носителей языка наличием властных полномочий, направленных и на социум, и на язык. Реализация языковой политики государства непосредственно влияет на каждого представителя языкового коллектива и на формирование языкового сознания общества в целом. Таким образом, «язык является средством, с помощью которого государство воздействует на общество» [Наумов 2010: 9].

Мы описали классификацию языковых политик с точки зрения официальности/неофициальности, намерений/последствий, существующую в современной американской социолингвистике. Из вышесказанного ясно, что языковая политика, неважно какая — официальная, имплицитная или завуалированная — используется для контроля над социальным поведением членов общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Наумов В. В. Государство и язык: формулы власти и безвластия. — М.: КомКнига, 2010.
- Collins J. Hegemonic Practice: Literacy and Standard Language in Public Education. // *Rewriting Literacy: Culture and the Discourse of the Other* / eds. Mitchell C., Weiler K. — N. Y.: Bergin and Garvey, 1991. P. 229—253.
- Census.gov. URL: www.census.gov/population/www/socdemo/language/appendix.html.
- Cooper R. L. Language Planning and Social Change. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
- Crawford J. Bilingual Education, History, Politics, Theory and Practice. 3rd ed. — Trenton, NJ, Crane, 1995.
- Heath S. B. Colonial Language Status Achievement: Mexico, Peru, and the United States // *Language and Sociology* / eds. Verdoodt A., Kjolseth. — Louvain: Peeters, 1976. P. 49—91.
- Kloss H. The American Bilingual Tradition. Washington DC and McHenry IL: Center for Applied Lin-

guistics and Delta System / Reprints of Kloss H. The American Bilingual Tradition. — Rowley MA: Newbury House, 1977. 1988.

Leibowitz A. H. English Literacy: Legal Sanction for Discrimination // Notre Dame Lawyer. 1969. № 25 (1). P. 7—69.

Macias R. F. Language Politics and the Historiography of Spanish in the United States // Language in Action: New Studies of Language in Society : essays in Honor of Roger W. Shuy / eds. Peyton J. K., Griffin P., Wolfram W. — Cresskill NJ: Hampton Press, 2000. P. 52—83.

Norgren J., Nanda S. American Cultural Pluralism and the Law. — N.Y.: Praeger, 1988.

Scutnabb-Kangas T., Phillipson R. Linguistic Human Rights: Overcoming Linguistic Discrimination. — Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 1—22.

Weinberg M. A Chance to Learn: a History of Race and Education in the United States. 2nd edition. — Long Beach: California State University, University Press, 1995.

Weinstein B. The Civic Tongue: Political Consequences of Language Choices. — N. Y.: Longman, 1983.

Wiley T. G. The Imposition of World War I Era English-Only Policies and the Fate of German in North America. — In Ricento and Burnaby, eds., 1998. P. 211—241.

Wiley T. G. Language planning, language policy, and the English-Only Movement // Language in the USA: Themes for the Twenty-first Century. — N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 319—338.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. В. В. Жура